

(Окончание. Начало на 3-й стр.)

занимает должности директоров заводов и фабрик. Например, в Шанхайском объединении предприятий электронной промышленности 80 процентов директоров — люди примерно тридцатилетнего возраста...

Беседа с представителями Шанхайского филиала ВКФМ, запланированная на сорок минут, длилась более двух часов. Но и этого времени оказалось далеко не достаточно, чтобы обсудить вопросы, интересующие обе стороны. После окончания встречи, как нам потом рассказали, китайские товарищи не раскодились еще очень долго: спорили, делились мнениями — многое из того, что услышали они, явилось для них открытием...

...ВАН, наш шанхайский гид, не говорит по-русски. — За пять лет работы я впервые встречаюсь с совет-

этой картине, к нам подходит двое модно одетых молодых людей — представители оргкомитета выставки. Спрашивают по-английски: не хотите ли познакомиться с художником? Хотим. Подходит автор картины. Знакомимся. Лю Чжуан, 37 лет, член Союза художников провинции Хунань. В Пекине выставляется впервые. Очень волнуется. Сегодняшний день — настоящее событие, праздник. Вот эта картина, на которую мы обратили внимание, два года пролежала в мастерской без движения. Долгий срок «выдержки» и у других его работ. Спрашиваем, почему. Объясняет: еще совсем недавно выставка такого рода — объединяющая многообразие современных стилей живописи — была бы обречена на провал. Соединение традиционно китайских элементов с элементами европейской школы считалось невозможным, развращающим китайскую

стных» выставках различных групп художников, арендовавших за плату помещения для своей экспозиции. Люди, истосковавшиеся по знаниям, по контактам и впечатлениям, стали поглощать хлынувший в страну информационный поток жадно, подчас без разбору. Начался период некой всеядности: в ход пошла бульварная литература, на экраны полезли низкопробные западные «боевики», по рукам стали ходить видеокассеты с порнографией...

Партия, комсомол Китая с тревогой восприняли эти издержки «открытой политики», и все-таки решено было последовательно проводить взятый курс: его в целом оздоравливающее влияние на экономическую и культурную жизнь страны становилось все очевиднее.

— Ну а как все-таки быть с издержками? — этот вопрос я задала во время встречи с представителями Академии

Некрасова, Горького, Есенина, Маяковского. В 1984 году вышел в переводе Гэ Баоцюаня шевченковский «Кобзарь», в 85-м — поэма Блока «Двенадцать»... Гэ Баоцюань хорошо знает нашу страну — в пятидесятые годы работал в посольстве КНР в Москве, неоднократно бывал и в Ленинграде... И когда по ходу фильма появляются издавна знакомые писателю места, он радостно узнает их: это Анчиков мост? А это — это Фонтанка, да?..

— Понравился ли вам фильм? — спрашиваю после просмотра.

Гэ Баоцюань улыбается: — Понравился. Только вот не легкая судьба у современных женщин, правда?

Приходится согласиться: что правда, то правда...

Наша беседа с Гэ Баоцюанем была очень короткой: писатель спешил на важное мероприятие. Обменялись телефонами, договорились встретиться утром следующего дня, но время вдруг утратило свои «относительные», растяжимые свойства, отлив сутки в жесткую конструкцию из двадцати четырех часов. И как ни бейся, выжать из них ни часом больше было нельзя...

Мы не смогли встретиться с Гэ Баоцюанем, о чем сожалею, честно говоря, куда больше, чем о несостоявшейся экскурсии на Великую китайскую стену. Надеюсь на обещание знаменитого переводчика приехать в Москву... И навсегда запомню, с каким благоговением этот пожилой, увенчанный славой и сединами человек сказал: «Русская литература — это наш учитель». И еще он добавил: «Уже не первое поколение китайской молодежи воспитывается на ваших замечательных книгах — «Как закалялась сталь», «Повесть о Зое и Шуре». А наши любимые песни — «Подмосковные вечера» и «Катюша»...

ПОСЛЕДНИЙ вечер в Пекине. Саша Горшков расстраивается, что так мало удалось нам увидеть. Его «Волга» нервно топчется в изматывающих душу пробках: в Пекине час шик. Храм «Утась» — вот куда мы с ним едем. Старый буддийский храм в индийском стиле. Пустынный двор, одинокий каменный будда с облупившимся лицом... Поднимаемся вверх по очень узкой крутой лестнице и оказываемся на смотровой площадке храма. На заднем дворе — свалка того, что тоже было когда-то храмом. Тяжелые огромные глыбы каменных украшений, размоленных вдребезги, с нечеловеческой силой... Памятник варварству хунвейбинов. Памятник-укор, памятник-предостережение. Ужас и стыд должен порождать он в душах. Ужас и стыд как противоядие рецидиву безумия...

...И последнее утро. Собраны чемоданы. Съеден завтрак, и отложены в сторону — в последний раз — ставшие привычными палочки. Наш маленький автобус. Дорога в аэропорт, выученная уже наизусть...

Цзи Яньчи грустный. — Ты чего грустный? — окликает его Саша Черносивтов.

Цзи Яньчи смущается. Начинает бодрым голосом гйда в который уж раз знакомить нас с законным пейзажем. Потом умолкает и вдруг с тонкой улыбкой человека, что-то задумавшего, говорит нам:

— А знаете, сегодня мне наша гостиница кое-чего сказала...

— Это чего ж такое она тебе сказала? — театрально удивляемся мы.

— Она сказала, что не хочет, чтобы вы уезжали, вот! — и Цзи Яньчи обводит нас торжествующим взглядом.

Я говорю: Спасибо тебе, Сяо Ци...

Я говорю это по-китайски.

О. ДМИТРИЕВА.
(Наш спец. корр.)

Пекин — Ханчжоу — Сучжоу — Шанхай — Пекин — Москва.

8 дней в Китае

ской группой, — говорит он. — Вот моя мама когда-то учила в институте русский язык, и у нас в доме часто поют русские песни, особенно любим «Катюшу»... А вот я, — шутит Ван, — хочу жениться на русской девушке, потому что они очень красивые. Вот приеду к вам и женюсь, как вы на это смотрите?

— Нормально, — отвечаем мы. — Положительно смотрим...

Стоило упомянуть о матримониальных интересах — легка на помине свадьба... У входа в ресторан — толпа нарядных людей с цветами в руках. Из подъехавшего автомобиля выходят жених с невестой. Невеста ослепительна: фигурка феи окутана облаком белоснежных кружев, и лицо — смущенно-сияющее... Смех, объятия, поздравления... И впервые у нас возникает отчетливое ощущение простоты и ясности языка, на котором говорят эти люди. Мы, захваченные общим волнением, стоим в праздничной толпе и понимаем каждое сказанное здесь слово.

И переводчик нам совсем не нужен...

5. Пекин

ВЕЛИКАЯ китайская стена — вот чего я так и не увидела в Китае. Все туристы ее видели, а я нет. Это грустный факт. Я не имею права надеть майку с хвастливой надписью «Я взобрался на Великую китайскую стену» — майку, в которой расхаживают по вестибюлю гостиницы молодые люди, вернувшиеся с экскурсии, являющейся здешиним «гвоздем программы». Что же лишило меня этого удовольствия? Цейтнот. Единственный день в нашем распоряжении. И в этот день открывается в Пекине очень важная выставка художников — выставка в некотором смысле историческая. Надо выбирать — или стена, или...

Выбираю выставку.

Пекинский музей «Мэйшугуань». Поднимаемся на второй этаж. Только что состоялось открытие выставки произведений современных молодых художников провинции Хунань. Стрекот кинокамер, шелканье затворов фотоаппаратов. Вся экспозиция — в одном зале. Народу очень много, и заметно много иностранцев. Останавливаемся у одной из картин: огромное яркое полотно, буквально дышащее красками — физически острое ощущение новизны, революции. Заметив наш интерес к

культуру. И тот факт, что сегодня смогла в полный голос зазвучать правда реалистичного взгляда художника на окружающий мир, говорит о многом.

Спрашиваю Лю Чжуана, знает ли он советскую живопись? Сожалеет, но ни малейшего представления о ней не имеет. Русскую? Понаслышке... — отвечает художник. За внимание к его работам говорит нам «спасибо»: тоже когда-то в школе учил русский язык...

В центре зала несколько весьма необычных работ: картины обрамлены деревянными створками ворот. Первые из галереи этих ворот в центре пусты, сквозь них можно как бы войти в зал... Спрашиваем автора, художника Хэ Датяня, что символизируют эти картины-ворота? Открытые двери сегодняшнего Китая, объясняет художник, двери открытые и для знаний, и для культуры всего мира...

«Открытые двери» — этот политический символ переведен на практический язык жизни каждого китайца: снято «табу» с самого понятия духовной и культурной жизни — можно смотреть по сторонам, изучать, сравнивать, заимствовать и отдавать самим...

После более чем десяти лет мрачного затворничества, державшего страну на скуднейшем пайке: строго дозированная информация, десяток «образцовых» пьес и несколько книжиц выхолощенного «революционного» содержания, воспевавших человека-винтика, — политика открытых дверей наполнила воздухом эту застоявшуюся атмосферу. В городах открылись театры: небогатые помещения, скорее, клубного типа, стали собирать людей, которые за умеренную плату могли посмотреть пьесу на историческую тему или по современному проблематике. Появилась возможность выбора. Появились модные авторы. Появились дискуссии в печати вокруг тех или иных явлений искусства — дискуссии вдумчивые, аналитичные. Резко увеличилось количество книг в стране — особенно переводных авторов. Начался своего рода издательский «бум» — в каждой провинции открывалось по несколько газет и журналов самого различного характера. И сегодня

в Китае можно купить журнал даже по проблеме, прямо скажем, не самой животрепещущей — он называется «Исследования по летающим тарелкам» и издается в городе Ланьчжоу... В газетах стали появляться объявления о «ча-

общественных наук своему собеседнику, заведующему отделом содстран компании «Чайна филм» Ван Цжо.

— Видите ли, — сказал Ван Цжо, — время убеждает, что молодежь всеми этими увлечениями переболевает. Мишурный блеск дешевеньких поделок серьезного интереса к себе не вызывает. Проходит время, человек начинает задумываться над тем, где он живет и чем живет — и тогда берет верх интерес к реальным проблемам жизни. Западные «боевики», фильмы о сладкой жизни имели несомненный успех на первом этапе, когда плотины были разрушены и запретный плод перестал быть запретным. Сейчас это увлечение заметно пошло на спад. Вот вам пример: купили первую серию «Рэмбо». Я не скажу, что залы пустовали, но у многих зрителей фильм вызвал резкое неприятие. К нам поступали сотни гневных писем: зачем выпустили на экраны эту «стряпню»?

— А в самом деле, зачем? Ван Цжо пожимает плечами: — Вопрос не в моей компетенции, я ведь отвечаю только за продукцию социалистического кинематографа...

Задаю «провокационный» вопрос:

— Ну а если бы вопрос закупи «Рэмбо» зависел от вас лично?

Ван Цжо отвечает с подкупающей прямотой: — Я бы не купил. Кстати, — добавляет он, — реакцию общественности мы учли: вторая серия на наших экранах не появилась...

Знают ли в Китае советское кино? Знают, и очень неплохо. Тут товарищу Ван Цжо и другим ответственным работникам из «Чайна филм» надо отдать должное: закупаются лучшие наши фильмы и очень своевременно. Китайские зрители посмотрели «Берег», «Вокзал для двоих», «Они сражались за Родину», «Военно-полевой роман». Как уже говорилось в предыдущих главах, огромный успех выпал на долю фильмов «А зори здесь тихие...» и «Москва слезам не верит». Готовятся к выходу на экраны «Жестокий романс», «Экипаж»...

Гостям из Академии общественных наук советское посольство в Пекине организовало просмотр фильма «Зимняя вишня». В кинозале моим соседом оказался Гэ Баоцюань, известнейший в Китае переводчик русской и советской литературы. Именно в его переводе впервые увидели китайские читатели Пушкина,

There is everything in China, even a periodical dedicated to UFOs

KOMSOMOLSKAYA PRAUDA
Z1 JAN '87
YOUNG COMMUNIST LEAGUE PRAUDA

Komsomolskaya